

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Каравай

*к.соц.н., старший научный сотрудник, Институт социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
(Москва)*

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ШОКОВ РАЗНОЙ ПРИРОДЫ

Аннотация. В статье на данных опросов ИС ФНИСЦ РАН 2001–2022 гг. анализируются состояние и динамика различных составляющих социального капитала российского общества. Показано, что уже в самом начале специальной военной операции на Украине общество консолидировалось в своём доверии к основным властным (Президент РФ, Правительство РФ, главы субъектов РФ) и общественным (Российская академия наук и церковь) институтам, структурам и персоналиям. Их действия в период пандемии также способствовали росту доверия к ним населения. При этом обеим палатам Федерального собрания и органам местного самоуправления население в массе своей уже на протяжении многих лет не доверяет. Продемонстрировано также, что наблюдается некоторая фрагментация общества в зависимости от используемых каналов получения информации, однако серьёзной угрозы доверию в обществе она не несёт, так как многие россияне очень критично относятся ко всем источникам информации, которые всё больше дискредитируют себя в их глазах в последние годы. Показано, что среди россиян высок уровень межличностного доверия и готовности помогать другим при сравнительно невысоких субъективных оценках уровня взаимовыручки в обществе. Такое расхождение говорит о нереализованности многих запросов к контрагентам по социальным сетям, выросших в условиях разного рода внешних шоков. В статье описана и структура социальных сетей в российском обществе, в массе своей низкоресурсных, но, тем не менее, всё же предоставляющих большинству населения страны доступ к расширению жизненных возможностей, а не только к хозяйственно-бытовой помощи. Показано, что лишь четверть россиян весной 2022 г. была полностью исключена из такого рода сетей. Ещё столько же было тех, кто, не предоставляя никаких значимых видов помощи другим, рассчитывал, тем не менее, на её получение от своих социальных сетей. «Доноров», предоставляющих хотя бы какие-то ресурсы в социальных сетях, традиционно заметно меньше, чем «реципиентов». Такая асимметрия усугубляется тем, что основу социальных сетей составляет совсем небольшая (менее 10% представителей массовых слоёв) группа высокоресурсных «доноров», которые одновременно являются и основными бенефициарами наиболее дефицитных ресурсов социальных сетей. Это может послужить фактором дальнейшего углубления социальных неравенств. Однако пока за счёт высокой степени конвертации потенциала даже низкоресурсных социальных сетей в реальную помощь, эти сети способствуют консолидации общества.

Ключевые слова: *социальный капитал, социальные сети, ресурсы населения, доверие в обществе, доверие к власти, консолидация российского общества.*

JEL: D19, E24, J18.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_134_148.

Введение

Современные научные концепции рассматривают доверие как один из ключевых факторов успешного развития экономики, поскольку при его наличии в обществе снижается уровень транзакционных издержек, связанных с необходимостью подтверждения любых действий экономических агентов [Glaeser, Laibson., Sacerdote, 2002]. Этот подход к концептуализации социального капитала обычно связывают с именем Р. Патнема [Putnam, 1995a; Putnam, 1995b]. Социальный капитал, обусловленный доверием, разделяют на две формы — разделяющую (bonding, exclusive) и объединяющую (bridging, inclusive). Первая связана с внутригрупповыми взаимодействиями, вторая — с межгрупповыми. В обществе, где слабы межгрупповые связи и где при этом сильно внутригрупповое взаимодействие (доверяют только «своим»), сложно говорить о консолидации и дополнительном ресурсе экономического развития.

Ресурсный потенциал социальных сетей рассматривается в качестве социального капитала в рамках другой традиции его изучения — работами П. Бурдьё [Бурдьё, 2002], Дж. Коулмана [Коулман, 2001], М. Грановеттера [Грановеттер, 2009], Ф. Фукуямы [Фукуяма, 2001] и др. В рамках этой традиции роль доверия также очень велика, поскольку оно является основой существования социальных сетей, но это уже доверие не столько на макро-, сколько на микроуровне. Люди, оказывая друг другу помощь, создают своего рода «доверительные расписки», которые со временем погашают [Коулман, 2001]. При этом доверие не обязательно должно быть на межличностном уровне: оно может возникать и через принадлежность конкретного индивида к той или иной социальной группе или связи с определёнными социальными институтами [Kaasa, Parts, 2008; Sabatini, 2009]. Особое внимание исследователей в рамках этой традиции приковано к тому факту, что из-за неравномерного распределения монетарных и немонетарных ресурсов в различных социальных группах и склонности индивидов к общению с похожими на них людьми, ресурсы в социальных сетях распределены также неравномерно [Lin, 2000; Тихонова, 2004; Каравай, 2022]¹.

Применительно к российским условиям наиболее часто в качестве наиболее яркого проявления «работы» социального капитала исследователи рассматривают именно получение различных видов помощи [Тихонова, 2014. С. 274]. Массово это можно наблюдать в периоды серьёзных социально-экономических потрясений [Аврамова, Логинов, 2002; Козырева, 2009; Каравай, 2021] (не стали исключением и последние годы). При этом обычно различают те виды помощи, которые помогают индивиду выжить, но значимо на его жизненную ситуацию не влияют, и те, которые расширяют жизненные возможности индивида.

Период пандемии Covid-19 и последовавшее за ним начало СВО на Украине резко актуализировали проблему наличия в российском обществе социального капитала в обеих его трактовках. Вот почему мы сделали ситуацию с ним, включая динамику её изменения, предметом анализа, результаты которого изложены в данной статье. Эмпирической базой этого анализа стали данные опроса, проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН в марте 2022 г. (выборка в 2 000 человек репрезентировала население страны по федеральным округам, а внутри них — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения), а также опросов разных лет того же института с такой же моделью выборки, численность которой колебалась в разные годы от 1 600 до 4 000 человек.

¹ Подробнее о теоретической концепции социальных сетей и особенности их функционирования: [Каравай, 2021; Каравай, 2022].

Состояние и динамика ключевых показателей социального капитала российского общества

Как показал анализ, если говорить о трактовке понятия «социальный капитал» как существующего в обществе уровня доверия к различным органам власти, общественным институтам, структурам и персоналиям [Andriani, Christoforou, 2016; Kaasa, 2019], то весной 2022 г. он был очень различным (рис. 1). В левом верхнем квадранте матрицы доверия/недоверия на рис. 1 представлены институты, структуры и персоналии, которым россияне склонны скорее доверять. Это российская армия, Президент страны, Российская академия наук, Правительство России, церковь, общественные организации и главы субъектов РФ. В нижнем правом квадранте представлены институты, которым россияне склонны скорее не доверять. Это (в порядке убывания распространённости доверия к ним) обе палаты парламента, органы местного самоуправления, полиция, профсоюзы, судебная система, банки и Центризбирком. Аутсайдерами рейтинга доверия выступают политические партии. Не пользуются доверием большинства наших сограждан и различные каналы получения информации – как цифровые, так и традиционные СМИ.

Рис. 1. Доверие / недоверие россиян различным государственным и общественным институтам, 2022 г., %²
 Источник: расчёты автора.

Очевидно, что с точки зрения россиян весной 2022 г. их интересы лучше представляли федеральные, нежели местные и региональные власти. При этом обе палаты парламента, а также политические партии, созданные для того, чтобы олицетворять и символизировать многообразие нужд и стремлений разных групп «во власти», со своей прямой задачей не справляются. Так, Государственной думе россияне не доверяют в 1,5 раза чаще, чем доверяют; Совету Федерации — в 1,3 раза; политическим партиям — в 4 (!) раза. И здесь можно говорить, скорее, о существовании в обществе консенсуса в части недовере-

² Чем ниже и правее находится точка, тем меньшее доверие вызывает соответствующий институт. Для наглядности задано пересечение осей в точке (50; 50): это позволяет отделить группы структур и институтов, которым доверяют свыше половины россиян, от тех, которым свыше половины наших сограждан, наоборот, не доверяют. В подписях к точкам приведены доли доверяющих соответствующей структуре. Доли не доверяющих и затруднившихся с ответом на рисунке не представлены.

рия к названным властным институтам, нежели о разобщённости российских граждан на почве разного отношения к ним.

Стоит отметить, что после прохождения «пиковой» фазы пандемии наши сограждане стали больше доверять всем институтам власти, что может быть расценено как свидетельство положительной оценки действий властей всех уровней в условиях пандемии коронавируса. Исключением остаются судебная система и политические партии, к которым на протяжении по крайней мере последних двух десятилетий общество по большей части относилось с недоверием. Кроме того, заметны положительные изменения в восприятии россиянами руководства регионов. В то же время парадоксальна ситуация с теми, кто призван непосредственно представлять «во власти» интересы общества во всем их многообразии, — сенаторами и депутатами. Их деятельность из года в год не вызывает у россиян доверия. Интересна также ситуация с доверием силовым структурам. Российским вооружённым силам традиционно доверяет большинство наших сограждан. С 2001 г. показатель уровня доверия к ним стабильно превышает 50%. Иная ситуация — с доверием органам внутренних дел: россияне по большей части им устойчиво не доверяют. Так, в марте 2022 г. полиции доверяли всего 42% наших сограждан. Однако за последние два десятилетия доля россиян, доверяющих органам внутренних дел, демонстрирует тенденцию к росту (рис. 2).

Рис. 2. Динамика Индекса доверия³ россиян армии и полиции⁴, 2001–2022 гг., баллы

Источник: расчёты автора.

Напротив, к разного рода источникам информации доверие среди россиян падает (рис. 3). Это тем более важно, что потоки информации, получаемой из различных источников, способны манипулировать общественным мнением и формировать разнообразные картины мира. Доверие человека информационным каналам, в которых доминирует какой-то один взгляд на происходящее в окружающем мире, создаёт вокруг него «информационный пузырь», в который сложно попасть альтернативным мнениям. Однако российскому обществу пока не угрожает опасность раскола, порождённого ориентацией его членов на различные источники информации, поскольку без малого половина россиян относится критически ко всем информационным каналам — 46% наших сограждан не

³ Индекс доверия рассчитывается по формуле: $I = (R_p - R_o) / (R_p + R_o)$, где I – индекс, R_p – доля положительных ответов, R_o – доля отрицательных ответов. Для сопоставимости результатов опросов разных лет Индекс доверия строился только для ответивших респондентов.

⁴ До 2011 г. – милиция.

доверяли весной 2022 г. ни прессе, ни телевидению, ни Интернету и социальным сетям, а в Москве и Санкт-Петербурге данный показатель достигал 57% (!). При этом телевидение вызывало доверие у 33% россиян, а Интернет и соцсети – у 36%. Четверть россиян получает информацию только из одного источника, в том числе 16% — из Интернета и социальных сетей, 7 – из телевизионных передач и трансляций, 2% — из печатной прессы. Наименее критичны в своих оценках различных источников информации молодые люди в возрасте до 25 лет. Тем не менее и среди них 40% не доверяют наиболее распространённым каналам получения информации. При этом 50% молодёжи до 25 лет доверяют Интернету и социальным сетям, в том числе 34% — только и исключительно им. В то же время среди 26–35-летних цифровым информационным каналам доверяют уже лишь 38% опрошенных. Таким образом, если говорить об опасности, которую несет деление общества по степени доверия тем или иным источникам информации, то сегодня данная проблема стоит не столь остро, как могло бы казаться. Да, молодёжь до 25 лет отличается менее критическим взглядом на мир, а многие её представители питают доверие только к Интернету и социальным сетям. Однако и в данной возрастной группе таких отнюдь не большинство.

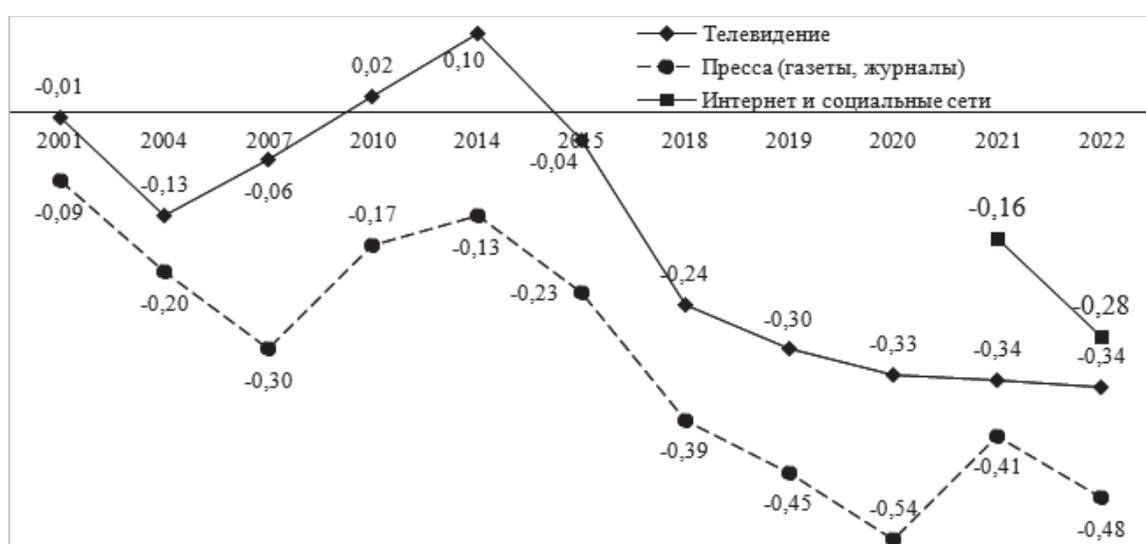

Рис. 3. Динамика Индекса доверия россиян различным источникам информации, 2001–2022 гг., баллы
Источник: расчёты автора.

Таким образом, очевидны и кризис доверия всем информационным источникам, и критическое отношение очень многих наших сограждан к получаемой информации. При этом доверие сократилось не только к традиционным СМИ, но и к Интернету и социальным сетям. Информационный шум, ставший неотъемлемой частью жизни современных людей, дискредитирует все источники информации, заставляя россиян относиться к ним всё более критически.

Что же касается общественных институтов, то в основном они пользуются доверием большинства населения. Тем не менее нельзя не отметить, что с 2010 г. в обществе нарастает неоднозначное отношение к церкви — при стабильных 50–60% её сторонников растёт доля не доверяющих ей. На сравнительно высоком уровне остается Индекс доверия Российской академии наук. За время пандемии отношение россиян к последней даже улучшилось: если в сентябре 2020 г. ей безусловно доверяли 58% россиян, то в 2022 г. — 67%. Аналогичная тенденция просматривается и в отношении общественных и правозащитных организаций — за время пандемии доля доверяющих им выросла с 37% в 2020 г. до 53% в 2022 г. Наконец, профсоюзы, оставаясь скорее формальным институтом, поскольку, согласно данным опроса ИС ФНИСЦ РАН 2021 г., их помощью в случае необходимости воспользовались бы лишь 3% россиян, также улучшили за последние годы свое положение.

ние, хотя не доверяющих им и сегодня гораздо больше, чем доверяющих (59% против 39%, соответственно).

В целом, россияне стали к весне 2022 г. больше доверять тем общественным и государственным институтам, которые, по их оценкам, смогли успешно проявить себя в период пандемии. Тем самым этот период способствовал укреплению связей между обществом, с одной стороны, и органами власти разного уровня, общественными организациями, научным сообществом — с другой.

Укрепление доверия граждан страны социальным и государственным институтам сопровождалось также укреплением межгруппового доверия. Россияне считают сейчас драйверами развития страны большинство ключевых социальных групп. При этом доверие большей части наших сограждан (свыше 85% опрошенных) заслужили самые разные группы (табл. 1). Особняком на этом фоне стоят чиновники, которых россияне считают скорее помехой для развития страны. Это парадоксально, поскольку, как было показано выше, сегодня большинство россиян в целом доверяют многим властным институтам, но негативно оценивают при этом работу рядовых государственных служащих. Так, среди доверяющих Президенту лишь 48% считают, что госчиновники способствуют развитию России.

Таблица 1

Видение россиянами вектора влияния на развитие страны различных социальных групп, 2022 г., %⁵

Социальные группы	Способствуют развитию	Препятствуют развитию
Рабочие	94	5
Крестьяне	93	6
Средний класс	92	7
Предприниматели	90	10
Молодёжь	88	11
Военные	83	16
Руководители предприятий и фирм	80	19
Интеллигенция	78	21
Сотрудники правоохранительных органов	65	34
Государственные чиновники	42	57

Источник: расчёты автора.

Положительное влияние на развитие страны представителей многих групп российского общества признаётся большинством наших сограждан на протяжении длительного времени. На рис. 4 показана динамика Индекса восприятия драйверов развития России, рассчитанная по той же формуле, что и Индекс доверия. Положительные значения данного Индекса отражают превышение доли тех, кто считает представителей той или иной группы способствующими развитию страны, над долей сторонников противоположного мнения, тогда как отрицательные значения говорят об обратной ситуации⁶. Анализ показателей Индекса в разные годы свидетельствует, что на протяжении длительного времени наши сограждане склонны в массе своей признавать важную роль в развитии России большинства представленных

⁵ Затруднившиеся с ответом в таблице не представлены. Фоном выделены позиции, набравшие более 50% ответов.

⁶ Расчёт Индекса восприятия основывался только на тех, кто ответил на соответствующий вопрос.

в обществе ключевых социальных групп. Однако некоторые изменения за последние годы все же произошли. Так, постепенно падает авторитет интеллигенции: в 2007 г. безусловное большинство (91% ответивших) россиян считало, что эта часть общества способствует развитию страны, а к 2022 г. соответствующий показатель снизился до 78%. В целом же за последние 12 лет российский социум стал более консолидированным в мнении относительно роли рассматриваемых социальных групп в развитии страны, и это справедливо даже в отношении чиновников, сотрудников правоохранительных органов и крупных банков.

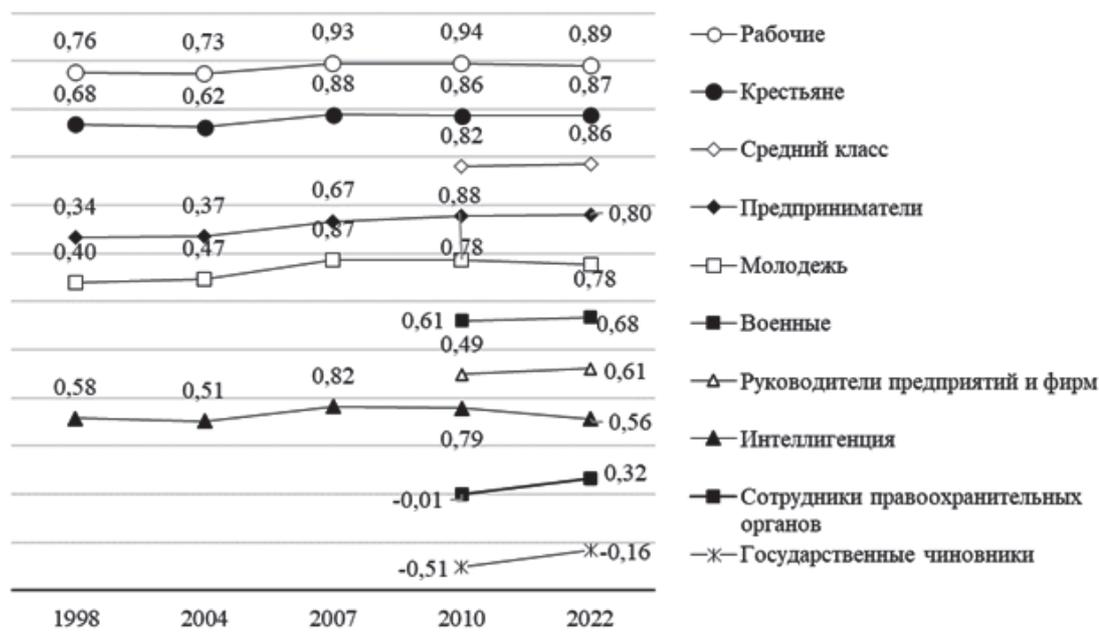

Рис. 4. Динамика показателей Индекса восприятия россиянами групп – драйверов развития России, 2007–2022 гг., баллы

Источник: расчёты автора

Таким образом, в российском обществе уже давно сложился консенсус относительно доверия социальным институтам и ключевым социальным группам, а также в целом схожее мнение относительно их роли в развитии страны. При этом доминирует точка зрения, согласно которой, несмотря на присутствие в социуме самых разнообразных групп с разными интересами, большинство из них действует на благо страны. Более того, если раньше россияне чаще признавали ведущую роль своих и близких к ним групп (так, рабочие и сельские жители в большинстве своём полагали, что на благо страны работают прежде всего рабочие и крестьяне, молодёжь видела в этой роли себя и т.д.), то в 2022 г. независимо от возраста, места проживания, уровня образования, материального положения и профессионального статуса не менее 70% представителей всех групп заявили, что развитию России способствует каждая из них. Это означает, что наблюдается консолидация общества и вокруг социальных институтов, и на уровне социальных групп с различными целями и интересами.

Таким образом, очевидно, что та часть социального капитала российского общества, которая связана с доверием государственным институтам и ключевым социальным группам, в последние годы возрастает, и период пандемии, при всей своей сложности, благотворно повлиял на эти процессы.

Возникает вопрос: а что происходит с доверием на уровне межличностных отношений, и ощущают ли сами россияне высокий уровень взаимовыручки в обществе? Данные весны 2022 г. демонстрируют, что субъективные оценки этих взаимоотношений находятся на среднем уровне — 5,4 балла из 10 возможных (медиана – 5 баллов). При этом немногим менее четверти (23%) наших сограждан оценивают степень распространённости взаимо-

выручки не выше, чем на 3 балла (обозначим её как низкую), а свыше трети (35%) ставят ей 7 и более баллов (условно высокая степень взаимовыручки).

Оценки уровня взаимовыручки в обществе зависят во многом от личной ситуации индивидов — доверяют или нет они своему окружению, ощущают ли поддержку с его стороны. Следует отметить, что тех, кто не доверяют никому, в российском обществе почти нет — их доля не превышает статистической погрешности (1%). С другой стороны, весной 2022 г. каждый десятый россиянин доверял всем членам своего окружения — от родственников и близких до соседей и коллег. Несмотря на всё ещё высокий уровень межличностного доверия в социуме, за время пандемии он заметно упал: меньше стало тех, кто доверяют самым близким (семье, родственникам и друзьям), увеличилось число не доверяющих соседям (табл. 2). Возможно, негативная динамика вызвана не оправдавшимися ожиданиями относительно получения от них помощи во время пандемии. Но есть и другое объяснение — неоднозначное отношение россиян к тем событиям, которые развернулись с началом специальной военной операции на Украине. Вероятные конфликты на этой почве также способны были снизить уровень межличностного доверия. Всё-таки 21% населения в марте 2021 г. в той или иной степени не одобрил проведение спецоперации, а 22% опрошенных заявили, что вооружённого конфликта скорее всего можно было избежать. При этом соответствующие показатели среди тех, кто доверяют семье лишь отчасти, были заметно выше — 35% и 31%. Среди не доверяющих своей семье они были ещё выше — 60 и 53%, соответственно. В то же время критических изменений весной 2022 г. ещё не произошло, поскольку тех, кто не доверяли никому, тогда практически не было, тогда как в 2004 г., например, таких было 17%.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Насколько вы доверяете своему ближайшему окружению?», 2021–2022 гг., %

Окружение	Доверяют		Доверяют отчасти		Не доверяют		В окружении нет таких людей	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Члены семьи	91	88	8	11	0	1	1	0
Родственники	69	62	29	34	2	4	0	0
Друзья	56	49	40	44	3	6	1	1
Коллеги	18	18	49	50	13	16	20	16
Соседи	18	14	55	55	25	29	2	2

Источник: расчёты автора

Обратимся теперь к вопросу о потенциале и формах той помощи, которую россияне оказывают друг другу и которая составляет «объективированную структурную основу» социального капитала [Радаев, 2002. С. 26]. Данные свидетельствуют, что практически все наши сограждане рассчитывают на получение (97%) или готовы оказать (94%) тот или иной вид помощи. При этом к наиболее распространённым её видам относятся те, которые помогают решить повседневные текущие проблемы с бытом или финансами — хозяйственно-бытовая помощь, возможность занять денег «до получки» или разово подзаработать (табл. 3). Всё, что открывает новые жизненные возможности для них или их детей — новая хорошая работа, карьерный рост, обучение в престижной школе или вузе и т.п., доступно гораздо меньшему числу наших сограждан, а тех, кто способен предоставить такие возможности, относительно немного. При этом по сравнению с 2021 г. ситуация в данной области практически не изменилась.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Могли бы вы в случае необходимости получить от своего ближайшего окружения или оказать его членам следующие виды помощи?», 2022 г., %⁷

Виды помощи	Могли бы получить такую помощь		Готовы оказать такую помощь	
	2021	2022	2021	2022
Поступление в хороший вуз	6	6	3	4
Продвижение по карьерной лестнице	7	7	2	3
Решение жилищной проблемы	6	9	4	5
Устройство детей в хорошую школу	8	9	4	7
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении проблем	10	9	8	7
Устройство на хорошую работу	11	11	4	5
Возможность взять в долг свыше 100 тыс. руб.	13	12	5	6
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	23	22	9	9
Поиск приработков	25	28	14	17
Возможность взять в долг до 100 тыс. руб.	53	41	33	23
Хозяйственно-бытовая помощь (ХБП)	н/д	65	н/д	78
Не имеют таких знакомых / не могут оказать никакой помощи	н/д	3	н/д	6
Не имеют таких знакомых / не могут оказать никакой помощи (кроме ХБП)	19	31	41	54

Источник: расчёты автора

В сети обмена включены практически все россияне, однако рассчитывающих получить помощь в среднем больше, чем готовых её предоставить. Исключение составляет не требующая дополнительных ресурсов хозяйственно-бытовая помощь: готовых оказать её больше, чем тех, кто рассчитывает её получить. Сложилась интересная ситуация: субъективно наши сограждане средне оценивают уровень взаимовыручки в обществе, но при этом подавляющее их большинство готово прийти на выручку, оказать посильную помощь, и почти все рассчитывают ту или иную помощь получить. Это означает, что жители России заметно недооценивают уровень взаимовыручки в социуме в целом.

Не умаляя роли для формирования и поддержания межличностных связей в обществе хозяйственно-бытовых форм помощи, сосредоточимся на более значимых для жизни, равно как и дефицитных формах поддержки. Как показано в табл. 3, тех, кто готов предоставить их, т.е. играющих в социальных сетях роль доноров, в 1,5 раза меньше, чем тех, кто рассчитывает такую помощь получить, т.е. реципиентов.

Рассмотрим две шкалы «Донорство» и «Реципиентство», построенные путём суммирования баллов, присвоенных за каждый вид потенциально предоставляемой или получаемой помощи. Максимум по каждой из них составляет 10 баллов, но данные исследования

⁷ Допускалось несколько вариантов ответа.

дают в обоих случаях не более 7 баллов. Среднее значение по шкале «Донорство» составило 0,85 балла, по шкале «Реципиентство» — 1,53 балла. Эти показатели положительно коррелируют (коэффициент корреляции Пирсона 0,524), т.е. чем больше у человека потенциал предоставляемой им помощи, тем больше и возможностей привлечения значимых видов поддержки. Можно было бы допустить и обратную зависимость: высокий потенциал привлекаемой помощи обеспечивает широкие возможности её предоставления другим. Однако наличие группы тех, кто только ожидает помощи, но сам её предоставлять не готов (27% опрошенных), указывает на то, что процессы распространения ресурсов работают в направлении «от доноров к реципиентам» и редко в обратном направлении.

Шкалы потенциала получаемой и предоставляемой помощи можно представить в виде пары координатных осей пространства «донорство — реципиентство» в российском обществе. Кластерный анализ⁸ позволяет выделить в этом пространстве 6 кластеров, образующих структуру социальных сетей. Первый кластер объединяет россиян, имеющих нулевые значения по обеим шкалам (27% населения), т.е. в принципе не включённых в обмен значимыми видами ресурсов. Второй — «чистые реципиенты» (также 27% россиян) — это те, кто, имея 0 баллов по шкале «Донорство», тем не менее рассчитывает получить от своего окружения различные виды помощи. Несмотря на то, что представители этих двух кластеров не готовы оказывать значимые виды помощи, среди них максимально число готовых помогать в хозяйственно-бытовом плане (92% среди «чистых реципиентов» и 88% среди не включённых в обмен значимыми ресурсами россиян). Это лишний раз подтверждает высокий уровень взаимовыручки в российском обществе, в контексте которой люди готовы оказывать любую посильную помощь, независимо от располагаемых ресурсов и материального положения (рис. 5).

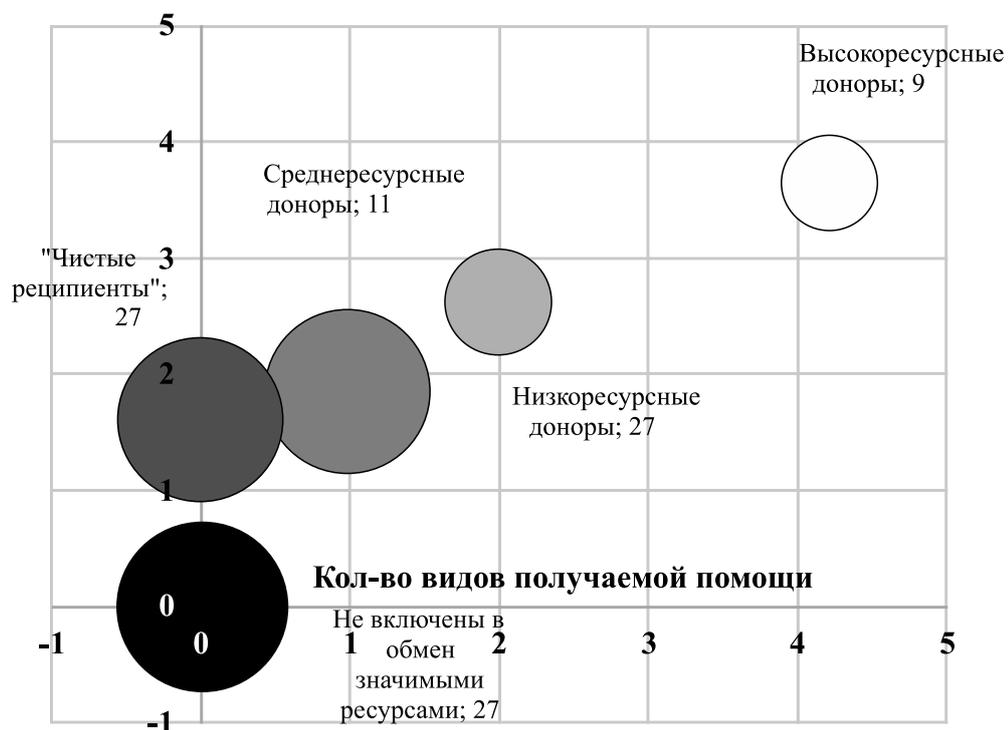

Рис. 5. Структура социальных сетей массовых слоев российского населения, 2022 г., %⁹.

Источник: расчёты автора

⁸ Использовался метод двухэтапного кластерного анализа.

⁹ Числа на каждом из кругов означают численность соответствующей группы. Два кластера высококоресурсных доноров объединены на рисунке в один, поскольку они различались не числом, а структурой оказываемых видов помощи.

Оставшиеся 4 кластера объединяют доноров с разным потенциалом предоставляемой ими другим членам сетей помощи. Самый большой «донорский» кластер — низко-ресурсные доноры (также 27% населения): по большей части его представители способны предоставить какой-то один вид помощи, в основном дать в долг сравнительно небольшую сумму денег. Группа среднересурсных доноров заметно меньше — всего 11% россиян. Её представители могут предоставить сетям в среднем два вида помощи. Потенциал получаемой помощи у них также выше, чем у низкоресурсных доноров. Высокоресурсные доноры составляют лишь 9% массовых слоев населения, но именно их можно назвать основой и наиболее активными членами социальных сетей, поскольку все они способны предоставить не менее трёх видов поддержки, а доступный им потенциал получаемой помощи — самый высокий из всех.

Потенциал низкоресурсных «доноров» заключается в основном в возможности помочь с трудоустройством на хорошую работу и предоставлении небольших займов (см. табл.4). Заметная часть среднересурсных «доноров» имеет плюс к этому возможность содействовать в доступе к должностным лицам. И наконец, высокоресурсные «доноры», как правило, способны предоставлять самые различные виды поддержки.

Таблица 4

Виды помощи, которые могут предоставить или получить различные группы россиян-«доноров», 2022 г., %.

Виды помощи	Низкоресурсные		Среднересурсные		Высокоресурсные	
	могут получить	готовы предоставить	могут получить	готовы предоставить	могут получить	готовы предоставить
Устройство на хорошую работу	59	42	60	56	71	67
Возможность взять в долг до 100 тыс. рублей	33	26	39	49	37	57
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении проблем	25	8	39	26	46	51
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	10	5	21	12	31	44
Поступление в хороший вуз	14	2	31	13	35	38
Продвижение по карьерной лестнице	13	3	21	11	34	38
Возможность взять в долг более 100 тыс. рублей	8	8	16	16	31	37
Устройство детей в хорошую школу	6	1	10	2	27	33
Поиск приработков	9	2	12	13	28	28
Решение жилищной проблемы	8	1	13	2	27	27

Источник: расчёты автора.

Доступ к ресурсообмену зависит как от образа жизни, опосредованного этапом жизненного цикла и особенностями места жительства, так и от накопленного человеческого капитала, определяющего позицию индивида в социальной структуре. Помимо этого, прослеживается практически линейная взаимосвязь между степенью включённости индивидов в социальные сети и уровнем их среднедушевых доходов. Только у 13% не включённых в обмен значимыми ресурсами россиян среднедушевые доходы превышают 1,25 медианы доходного распределения в населённых пунктах соответствующего типа. Среди «чистых реципиентов» таковых 24%, среди низкоресурсных доноров — 34, среднересурсных доноров — 46, высокоресурсных доноров — 54% (при 29% по массиву в целом).

Как следствие, доступ к ресурсообмену в социальных сетях чаще получают представители высокодоходных слоёв, и они же обретают от них максимальную пользу. Иными словами, социальные сети способствуют углублению материальных и нематериальных неравенств, и, возможно, по этой причине россияне в среднем невысоко оценивают уровень взаимовыручки в обществе, поскольку реальные возможности доступных им сетей не оправдывают их ожиданий. Невзирая на это, потенциальная помощь достаточно эффективно конвертируется в помощь реальную. Так, в 2021 г. в процессы получения и оказания помощи были включены 80% наших сограждан (в том числе 60% сами оказывали помощь, а 66% получали её). Тем не менее для многих россиян это не отменяет проблему несоответствия ожидания конкретному виду помощи и реального её получения хотя бы потому, что доноров в 1,5 раза меньше, чем реципиентов.

Выводы

1. Уровень доверия органам власти, социальным институтам, а также разного рода структурам и персоналиям в российском обществе различается очень сильно. Только некоторые из них пользуются доверием большинства россиян — это Президент и Правительство РФ, в меньшей степени — главы субъектов РФ, причём отношение к ним различается в зависимости от региона. Из силовых ведомств большинство доверяет только армии, из общественных институтов — Российской академии наук, церкви и, в меньшей степени, общественным организациям. В то же время одобрение населением действий различных ветвей власти и общественных организаций в период пандемии выразилось в росте доверия к соответствующим институтам, в то время как явными аутсайдерами выступают непосредственные «волеизъявители народа» — обе палаты Парламента, а помимо них — органы местного самоуправления, судебная система и политические партии. Другими словами, общество в целом консолидируется в своём доверии к одним ветвям власти и общественным институтам и недоверии к другим, хотя до окончания этого процесса ещё очень далеко.

2. Несмотря на то, что прослеживается определённая дефрагментация общества в зависимости от используемых каналов получения информации, однако пока эти процессы не привели к угрозе его консолидации. Во-первых, многие россияне вне зависимости от возраста и социально-экономического положения критически относятся ко всем источникам информации — и к традиционным, и к цифровым. Во-вторых, доверие ко всем этим источникам в последние годы падает, а учитывая нередкое распространение непроверенной информации и официальными СМИ, и социальными сетями, ожидать, что ситуация будет улучшаться, не приходится.

3. В российском обществе уже сравнительно давно сложился консенсус относительно ключевых социальных групп, способствующих или препятствующих развитию страны. Помимо крестьян и рабочих к способствующим развитию страны группам большинство россиян относит предпринимателей, средний класс, молодёжь, военных, руководителей и интеллигенцию, хотя положительная роль последней сейчас признаётся заметно

реже, чем ещё 15 лет назад. Это говорит о невыполнении данной группой тех социальных функций, которые на неё возлагает общество. Не улучшает ситуацию и реакция части интеллигенции на позицию России в отношении Украины.

4. При довольно высокой степени консенсуса в обществе относительно доверия к ключевым институтам и роли в развитии страны основных социальных групп, россияне сравнительно невысоко оценивают уровень взаимовыручки в обществе — в среднем на 5 из 10 баллов. Эти оценки не согласуются с объективными показателями готовности россиян прийти на помощь друг другу, которые, напротив, очень высоки. Скорее всего, причиной этого рассогласования выступают завышенные запросы в отношении своих контрагентов по социальным сетям, особенно в условиях растущей неопределённости будущего.

5. Уровень межличностного доверия среди россиян очень высок — не доверяющих никому из своего окружения среди них практически нет. Естественно, что наибольшим доверием пользуются представители самого близкого окружения — семья, родственники и друзья. Несмотря на то, что за год уровень межличностного доверия, особенно самым близким, несколько снизился, что может быть связано с разочарованием в степени их поддержки в период пандемии или с неоднозначностью отношения россиян к событиям на Украине, практически все они готовы оказывать или рассчитывают на получение хотя бы хозяйственно-бытовой помощи со стороны своего окружения. Это объективно свидетельствует о высоком потенциале взаимовыручки в российском обществе, проявившемся в период пандемии и в повсеместном расширении волонёрского движения, и в распространности различных благотворительных и гуманитарных акций.

6. Что касается масштабов социальных сетей, предоставляющих доступ к значимым для расширения жизненных возможностей ресурсам, а не просто хозяйственно-бытовой помощи, то свыше четверти россиян оказались исключены из такого ресурсообмена. «Доноров», предоставляющих сетям ресурсы, в 1,5 раза меньше, чем «реципиентов», претендующих на получение таких видов помощи. Основу сетей составляет небольшая (9%) группа высокоресурсных «доноров», которые могут предоставить даже больше видов помощи, чем предполагают получить. Однако на самом деле они же являются и основными бенефициарами ресурсов в сетях, поскольку преимущественно им доступен весь спектр потенциальной поддержки. Такая структура и принципы функционирования социальных сетей в российском обществе способствуют углублению в нем социальных неравенств. Тем не менее высокая степень конвертации потенциала социальных сетей в реальную помощь, которая фиксировалась и в 2021 г., говорит о том, что в целом социальные сети работают сейчас скорее на консолидацию россиян.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраамова Е. М., Логинов Д. М. (2002). Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 24–34.
- Бурдые П. (2002). Формы капитала // *Экономическая социология*. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Грановеттер М. (2009). Сила слабых связей // *Экономическая социология*. Т. 10. № 4. С. 31–50.
- Каравай А. В. (2021). Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 9. №4 (36). С. 42–60.
- Каравай А. В. (2022). Факторы доступа к ресурсам социальных сетей в современной России // *Социологические исследования*. №10. С. 74–84.
- Козырева П. М. (2009). Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // *Социологические исследования*. № 1 (297). С. 43–54.
- Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121–139.
- Радаев В. В. (2002). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. Т. 3. №. 4. С. 20–32.
- Тихонова Н.Е. (2004). Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. №4. С. 24–35.
- Тихонова Н. Е. (2014). Социальная структура России: теории и реальность. – М.: Новый Хронограф.

- Andriani L., Christoforou A. (2016). Social Capital: A Roadmap of Theoretical and Empirical Contributions and Limitations // *Journal of Economic Issues*. Vol. 50. No. 1. P. 4–22, DOI: 10.1080/00213624.2016.1147296
- Fukuyama F. (2001). Social capital, civil society and development // *Third world quarterly*. Vol. 22. No. 1. Pp. 7–20.
- Glaeser E., Laibson D., Sacerdote B. (2002). An Economic Approach to Social Capital // *Economic Journal*. 2002. Vol. 112. No. 483. Pp. F437–F458.
- Kaasa A. (2019). Determinants of individual-level social capital: Culture and personal values // *Journal of International Studies*. No.12(1). Pp. 9–32. DOI:10.14254/2071- 8330.2019/12-1/1
- Kaasa A., Parts E. (2008). Individual-Level Determinants of Social Capital in Europe: Differences between Country Groups // *Acta Sociologica*. Vol. 51. No. 2. Pp. 145–168.
- Lin N. (2000). Inequality in social capital // *Contemporary sociology*. Vol. 29. No. 6. Pp. 785–795.
- Putnam R. (1995a). Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. Pp. 664–683.
- Putnam R. (1995b). Bowling alone, America's declining of social capital // *Journal of Democracy*. No. 6. Pp. 65–78.
- Sabatini F. (2009). Social capital as social networks: A new framework for measurement and an empirical analysis of its determinants and consequences. // *The Journal of Socio-Economics*. No. 38(3). Pp. 429–442. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2008.06.001>

Каравай Анастасия Вадимовна

karavayav@yandex.ru

Anastasia V. Karavay

candidate of sociological sciences, senior research associate, FCTAS RAS (Moscow)

karavayav@yandex.ru

THE SOCIAL CAPITAL OF RUSSIAN SOCIETY IN THE FACE OF EXTERNAL SHOCKS OF DIFFERENT NATURE

Abstract. In the article, based on the data of the FCTAS RAS 2001–2022, the state and dynamics of various components of the social capital of the Russian society are analyzed. It is shown that already at the very beginning of the special military operation, society consolidated its trust in the main authorities (the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, the heads of the regions of the Russian Federation) and social (the Russian Academy of Sciences and the Church) institutions, structures, and personalities. Their actions during the pandemic also contributed to the fact that the population's confidence in them increased. At the same time, the population for the most part has not trusted both chambers of the Parliament and local self-government bodies for many years. It has also been demonstrated that there is some fragmentation of society depending on the channels used to obtain information, but it does not pose a serious threat to public trust, because many Russians are very critical of all sources of information that have increasingly discredited themselves in their eyes in recent years. It is shown that among Russians there is a high level of interpersonal trust and willingness to help others with relatively low subjective assessments of the level of mutual assistance in society. Such a mismatch indicates many untapped requests to counterparties on social networks that have grown up in the conditions of various kinds of external shocks. The article also describes the structure of social networks in Russian society, which are mostly low-resource, but, nevertheless, still provide the majority of the country's population with access to expanding life opportunities, and not only to household assistance. It is shown that only a quarter of Russians in the spring of 2022 were completely excluded from such networks. There were also the same number of those who, without providing any kind of help to others, nevertheless counted on receiving it from their social networks. "Donors" who provide at least some resources in social networks are traditionally noticeably less than "recipients". This asymmetry is aggravated by the fact that the basis of social networks is a very small (less than 10% of the representatives of the mass strata) group of high resource "donors", who are also the main beneficiaries of the most scarce resources of social networks, which can serve as a factor in further deepening social inequalities. However, so far, due to the high degree of conversion of the potential of even low-resource social networks into real help, these networks contribute rather to the consolidation of society.

Keywords: *social capital, social networks, public resources, social confidence, public confidence in the government, public consolidation in Russia.*

JEL: D19; E24; J18.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каравай А.В. Социальный капитал российского общества в условиях внешних шоков разной природы // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 134–148. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_134_148.

FOR CITATION: Karavay A. The Social Capital of Russian Society in the Face of External Shocks of Different Nature // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 134–148. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_134_148.

REFERENCES

- Andriani L., Christoforou A. (2016). Social Capital: A Roadmap of Theoretical and Empirical Contributions and Limitations // *Journal of Economic Issues*. Vol. 50. No. 1. Pp. 4-22, DOI: 10.1080/00213624.2016.1147296
- Avraamova E. M., Loginov D. M. (2002). Sotsialno-ekonomicheskaja adaptatsiia: resursy i vozmozhnosti [Socio-economic adaptation: resources and opportunities] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 24-34 (In Russ.).
- Bourdieu P. (2002). Formy kapitala. [The forms of capital] // *Ekonomicheskaja sotsiologiya*. Vol. 3. No. 5. P. 60—74. DOI: 10.17323/1726-3247-2002-5-60-74. (In Russ.).
- Coleman J. (2001). Kapital sotsialnyi i chelovecheskii [Social Capital in the Creation of Human Capital] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3. P. 121—139. (In Russ.).
- Fukuyama F. (2001). Social capital, civil society and development // *Third world quarterly*. Vol. 22. No. 1. Pp. 7-20.
- Glaeser E., Laibson D., Sacerdote B. (2002). An Economic Approach to Social Capital // *Economic Journal*. 2002. Vol. 112. No. 483. C. F437-F458.
- Granovetter M. (2009). Sila slabykh svyazei [The Strength of Weak Ties] // *Ekonomicheskaja sotsiologiya*. Vol. 10. No. 4. P. 31—50. (In Russ.).
- Kaasa, A. (2019). Determinants of individual-level social capital: Culture and personal values // *Journal of International Studies*. Vol. 12(1). Pp. 9-32. DOI:10.14254/2071- 8330.2019/12-1/1
- Kaasa A., Parts E. (2008). Individual-Level Determinants of Social Capital in Europe: Differences between Country Groups // *Acta Sociologica*. Vol. 51. No. 2. Pp. 145-168.
- Karavay A.V. (2021). Social'nye seti v sovremennoj Rossii: masshtaby, struktura i mehanizmy funkcionirovaniia [Social Networks in Modern Russia: Scale, Structure and Functioning Mechanisms] // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. No.9(4):42 60. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605 (In Russ.).
- Karavay A. V. (2022). Faktory dostupa k resursam social'nykh setei v sovremennoj Rossii [Factors Of Access To Social Network Resources In Modern Russia] // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. No.10. Pp. 74-84 (In Russ.).
- Kozyreva P. M. (2009). Mezhlchnostnoe doverie v kontekste formirovaniia sotsialnogo kapitala [Interpersonal trust in the context of the formation of social capital] // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. No. 1. pp. 43–54. (In Russ.).
- Lin N. (2000). Inequality in social capital. // *Contemporary sociology*. Vol. 29. No. 6. Pp. 785-795.
- Putnam R. (1995a). Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. Pp. 664-683.
- Putnam R. (1995b). Bowling alone, America's declining of social capital // *Journal of Democracy*. No. 6. Pp. 65-78.
- Radaev V. V. (2002). Poniatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiia [The concept of capital, forms of capital and their conversion] // *Ekonomicheskaja sotsiologiya*. Vol. 3. No. 4. Pp. 20-32. (In Russ.).
- Sabatini F. (2009) Social capital as social networks: A new framework for measurement and an empirical analysis of its determinants and consequences // *The Journal of Socio-Economics*. No.38(3). Pp. 429-442 DOI: 10.1016/j.socec.2008.06.001
- Tikhonova N.E. (2004). Sotsialnyi kapital kak faktor neravenstva [Social capital as a factor of inequality] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 4. Pp. 24–35. (In Russ.).
- Tikhonova N. E. (2014). Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost'. [Social Structure of Modern Russia: theory and reality] – Moscow: Novyy Khronograf. (In Russ.).